

Б.Н. Бессонов

Николай Александрович Бердяев: жизнь и творчество

Статья посвящена исследованию жизни и творчества русского философа Н.А. Бердяева, рассматривавшего историю философии, русской в том числе, как путь Духа, устремленного к вечности. С его точки зрения, жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом. В этом причина нелюбви философа к классицизму, который создает иллюзию совершенства в конечном. Совершенство достижимо лишь в бесконечном.

Ключевые слова: антропология; гуманизм; диалектика; экзистенциализм; жизнь; творчество; философия; свобода.

Часть 1

Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев (1874–1948) родился 6 (18) марта в Киеве в семье традиционно военной. Сначала он учился в кадетском корпусе, но, не закончив его, поступил в Киевский университет на естественный факультет, позднее перешел на юридический факультет. В университете Н.А. Бердяев проявляет интерес к марксистской литературе, втягивается в революционное движение. В 1898 году за участие в социал-демократической студенческой демонстрации он был арестован и сослан на три года в Вологду. После ссылки снова возвращается в Киев.

В 1901 г. выходит в свет первая книга Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». В 1904 г. Н.А. Бердяев переезжает в Петербург. Здесь он входит в религиозно-философский кружок З. Гиппиус и Д. Мережковского, ставивший целью сближение интеллигенции и церкви. Участие в собраниях этого кружка сыграло большую роль в идейной эволюции Н.А. Бердяева от марксизма к идеализму.

В 1901–1905 гг. Н. Бердяев и С. Булгаков активно участвовали в издании журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», заложивших основы так называемого нового религиозного сознания, которое акцентны делало прежде всего на постановке религиозно-экзистенциальных проблем.

В 1908 г. Бердяев приезжает в Москву. Здесь он активно сотрудничает с философами, объединившимися вокруг издательства «Путь», основанного Е.Н. Трубецким, и религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. В эти годы он много пишет. Выходят его публицистические работы, статьи по общественной и религиозной психологии. Он активный участник сборника «Вехи». В 1911 г. Бердяев издает книгу «Философия свободы», затем, в 1916 г., — другую — «Смысл Творчества. Опыт оправдания человека».

Февральская и особенно Октябрьская революции Бердяева разочаровывают. На события Октября он откликнулся статьей «Духи русской революции», опубликованной в сборнике «Из глубины» (1918 г.) и книгой «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (Эта книга вышла в свет уже в Берлине в 1923 г.). В 1918 г. Бердяев участвует в организации Вольной академии духовной культуры. В 1920 г. становится профессором Московского университета.

В 1922 г. Н.А. Бердяев был выслан из советской России. Приехав в Берлин, он принял участие в создании Религиозно-философской академии, но затем постепенно отдалился от эмиграции из-за ее «каменной нераскаянности», отсутствия сознания своей вины и, наоборот, «гордого сознания своего пребывания в правде». В свою очередь, эмигрантская интеллигенция дистанцировалась от Бердяева в связи с его попытками принять коммунистические идеалы, очистив их от «большевистских искажений» и сблизив с христианством.

Важнейшие работы этого периода: «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923 г.), «Мировоззрение Ф.М. Достоевского» (1923 г.). Большой (и для него неожиданный) резонанс вызвала его брошюра «Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы» (1924 г.).

В 1924 г. Н.А. Бердяев переезжает из Берлина в Париж. Здесь с 1926 г. и в течение 14 лет он редактирует журнал «Путь», ставший центром объединения философов-эмигрантов. Дом Бердяевых становится центром своеобразного кружка французских интеллигентов, его посещают Э. Мунье, Ж. Маритэн, Г. Марсель, А. Жид и др. Говоря о влиянии на французскую интеллигенцию, вообще на духовную жизнь Запада, Бердяев отмечал, что он привнес в нее эсхатологическое чувство судеб истории, сознание кризиса исторического христианства, конфликта личности и мировой гармонии, русскую экзистенциальность мышления и критику рационализма, религиозный анархизм и идеал религии Богочеловечества. В Париже философ опубликовал книги «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931 г.), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947 г.) и др.

Умер Н.А. Бердяев 23 марта 1948 года.

Подытоживая свою жизнь в книге «Самопознание», философ пишет: «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний, и более всего Ф.М. Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я — русский мыслитель и писатель. И мой универсализм, моя вражда к национализму — русская черта. Кроме того, я сознаю себя мыслителем аристократическим, признавшим правду социализма» [1: с. 11]. В России, считал Н.А. Бердяев, не было настоящих аристократических традиций. В аристократическом обществе не было настоящего аристократизма, было чванство, замкнутость, презрение к низшим.

Все его существование, признается Н.А. Бердяев, стояло под знаком тоски по трансцендентному, но по другому: «то есть я, очевидно, принадлежу

к религиозному типу, который определяется жаждой вечности. Мгновение полноценно, если оно есть выход из времени, если оно, по выражению Кьеркегора, атом вечности, а не времени».

Философ противопоставляет индивида как первичную данность и личность как качественное достижение. Индивиду присущи страх и скука, личности свойственна тоска. Страх и скука направлены на низший мир. В страхе и скуке коренятся безнадежность, пустота и пошлость, в тоске же — надежда. Тоска проявляет себя в печали и ужасе. Печаль душевна, связана с прошлым. Ужас может освободить от тоски, обновить душу. По мнению Н.А. Бердяева, И.С. Тургенев — писатель печали, Ф.М. Достоевский — художник ужаса.

Коренная черта личности — творчество, считает Н.А. Бердяев. Творчество, полагает Н.А. Бердяев, — есть бунт против данного, конечного, объективного, против скуки, это — прорыв и взлет, движение к трансцендентному. В объективном мире преобладает уродство. В человеке же есть бесконечное, есть величие, поэтому он не может примириться с конечным. Это делает человека несчастным, но это вселяет и надежду. Каждый человек имеет свой особенный внутренний мир, который он противопоставляет объективному миру.

Человек, считает Н.А. Бердяев, должен быть счастливым, но к счастью неприменимы никакие измерения количества. А главное — человек должен утверждать не столько свое право на счастье, сколько свое достоинство. Философ же, по мнению Н.А. Бердяева, должен защищать верховную ценность каждого человека, который не должен быть превращен в средство. Именно поэтому, заявляет Бердяев, ему и была всегда близка мысль Ивана Карамазова о слезинке ребенка [1: с. 50, 51, 65, 68].

В этой связи, подчеркивает мыслитель, он социально и этически «совершенно согласен с Чернышевским». Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств и в своей борьбе против власти ревности в человеческих отношениях. При этом в книге его («Что делать». — *Б.Б.*), столь оклеветанной правыми кругами, есть сильный аскетический момент и большая чистота.

Н.А. Бердяев решительно отклоняет всякого рода декадентские построения. В декадентской психологии, считает он, никакого центра нет, всякая норма отрицается и потому личность расплывается, гибнет, распадается на разорванные и мимолетные переживания, проваливается в предметный мир. В этом смысле декадентство — отрицание индивидуальности, оно отражает и выражает потерю личности и тщетность ее поисков. Индивидуализм — враг индивидуальности. Гипертрофия индивидуальности, болезненное «ячество» — свидетельство гибели и распада подлинной индивидуальности. В ибсеновском «Пере Гюнте» великолепно обнаружен характер такой гипертрофии индивидуальности. Пер Гюнт потерял свое «я», болезненно его ищет и не находит. Индивидуализм, подчеркивает Н.А. Бердяев, — есть трагедия пустой свободы, истинная индивидуальность, подчиняющая личность норме,

не только не противоположна универсализму, но даже неизбежно предполагает универсализм и в универсализме лишь осуществляется [2: т. 1, с. 158],

Что касается непосредственно философских традиций, то на него, признает Бердяев, большое влияние оказали средневековые мистики М. Экхарт, Я. Беме, Ангелус Силезиус, Фр. Баадер. «Они мне ближе, чем учителя церкви. Я верю в существование универсальной мистики и универсальной духовности» [2: т. 1, с. 283]. По мнению Бердяева, Плотин — самый яркий выразитель мистики единого. Множественность и индивидуальность для Плотина не обладают метафизической реальностью. Единое, принцип всех вещей, — оно совершенно просто, оно ничто [2: т. 1, с. 283].

В том же духе, считает Бердяев, рассуждает и Майстер Экхарт. В темной бездне Божества исчезает все — Бог и творение, Бог и человек, исчезает сама эта противоположность. Путь отрешенности погружает в неизреченное, в ничто, в сверхсущее. Путь этот возвращается к тому, что предшествует творению, возникновению и Творца и Твари. Там «я первопричина самого себя, моего вечного и временного существа... По вечной сущности моего рождения я был от века, есмь и в вечности пребуду... В моем рождении рождены были все вещи... Не было бы меня, не было бы и Бога». Бог — это одно чистое, светлое, единство, далекое от всякой двойственности. И в это единое “Ничто” должны мы вечно погружаться из бытия» [2: т. 1, с. 285].

Н.А. Бердяев отмечает также, что на него большое воздействие оказали идеи Шопенгауэра, Ницше, Ибсена и, разумеется, К. Маркса. Он говорил, что всегда уважал К. Маркса, всегда был согласен с его критикой капитализма. Из русских же мыслителей на него большое влияние оказали прежде всего Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский.

«Вообще, продолжает Бердяев, в книге “Самопознание” я формировался в атмосфере философских дискуссий. Журнал “Вопросы жизни” был местом встречи всех новых течений. В нем, кроме редакторов С.Н. Булгакова и меня, участвовали Д. Мережковский, В. Розанов, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, Г. Чулков, Л. Шестов, М. Гершензон, С. Франк, П. Струве, кн. Е. Трубецкой, П. Новородцев, Б. Кистяковский, В. ЭРН и др. Встречи с Л. Шестовым и — особенно — С. Булгаковым были для меня наиболее важными. С. Булгаков был центральной фигурой православного возрождения начала XX века» [1: с. 142].

В целом, подчеркивает Н.А. Бердяев, «моя концепция экзистенциальной диалектики гуманизма сформировалась в первую очередь под влиянием трех мыслителей: Достоевского, Ницше и Маркса» [1: с. 217]. «После Ницше и Достоевского, — продолжает Н.А. Бердяев, — нет уже возврата ни к старой христианской антропологии, ни к старой гуманистической антропологии. После Ницше и Достоевского человек должен по-новому осознать себя и оправдать свое призвание, раскрыть свою творческую природу, а не просто восхвалять себя. Что касается К. Маркса, то он был и остается для меня гениальным человеком, раскрывшим возможность победы социалистической революции» [1: с. 118].

В духе «русской традиции» Н.А. Бердяев противопоставляет науку и философию. Наука есть служение необходимости; она знает лишь истины, но не знает истину, то есть последнюю тайну. Напротив, философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противостоящих объективной данности и необходимости. Философия проникает в запредельную сущность мира; она ищет его смысл. Если наука есть горькая нужда человека, то философия — роскошь, избыток его духовных сил. Философская истина персональна, она открывается в индивидуальном переживании. Интуиция выше дискурсивного мышления, выше логики [2: т. 1, с. 52, 53].

Бердяев резко выступает против позитивистско-прагматической традиции в истории философии. Эта утилитарная традиция, по его мнению, — свидетельство кризиса философии. Источник философского познания — целостная жизнь духа, духовный опыт. Страдание, радость, трагический конфликт — вот источник познания, утверждает Н. Бердяев. Но тайна всегда остается, она лишь углубляется от познания. Познание Бога — путь приобщения к Тайне, которая от этого становится еще более таинственной.

Однако философ отнюдь не отвергает науку. Наука — неоспоримый факт, нужный человеку. Н.А. Бердяев отвергает научность, то есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науке. Нельзя, например, перенести метод естественных наук в психологию и в науки общественные. Наука — средство приспособления к природе, она есть послушание необходимости. Напротив, философия есть творчество, не приспособление и не послушание.

Н. Бердяев одобряет философию А. Бергсона, который, по его мнению, сознает, что философия не наука, что она — творческий акт. Однако, полагает Бердяев, Бергсон все-таки боится науки, его «творческая эволюция» зависит от биологии. Иррационализм Бергсона — слишком биологический иррационализм, т. е. почерпнут из науки о жизни. Границы науки и философии не соблюдены Бергсоном. Но он понял, что философское познание базируется на интуиции, на любовном проникновении в сущность вещей.

Истина, подчеркивает Бердяев, не отражение, не дублирование, повторение бытия в познающем, а осмысливание бытия. Истина предполагает творческий акт познающего в бытии. Именно так понимаемая и так постигаемая истина приносит человеку свободу и освобождение: отрицать свободу значит отрицать и истину. Философ с уважением пишет о Джемсе и его книге «Религиозный опыт». Джемс, по его мнению, глубокий мыслитель, отстаивающий расширение опыта за пределы рационального. Он признает за опытом святых и мистиков такой же фактический характер, как и за всяким другим опытом.

Бердяев считает, что рефлексия и сомнение лишают философию творчески активного характера, делают познающего рабом необходимости. Подлинная философия — творческая цельная философия, сделавшая свой выбор, уверенная в себе, т. е. догматическая философия. Догматизм — отказ от положения буриданова осла; догматизм, в конечном счете, есть преодоление дурной множественности во имя избрания единого [2: т. 1, с. 66, 67].

Человек — верховный центр вселенной, малый космос, включающий в себя все, есть предпосылка и истина философского познания. Философствует человек и философствуют для человека. Попытка «онаучить» философию, освободить ее от человека, от всякого антропологизма, свести к гносеологии — это «человекоубийственное» стремление [2: т. 1, с. 70, 71].

Бесспорно, жизнь трагична, считает Н.А. Бердяев. Но это не должно рождать в нас пессимизма. «Спиритуалистическая метафизика преодолевает эмпирически-безысходный трагизм жизни и приводит нас к тому высшему, окончательному оптимизму, который не имеет ничего общего с пошлым довольством и даже предполагает негодование, тоску и печаль. Трагизм жизни, в конце концов, коренится в иллюзии эмпирической действительности. Внутри ее... не может быть окончательно уничтожено зло, не может окончательно восторжествовать правда», — считает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 207].

Выход помогает найти философский идеализм, утверждает Н.А. Бердяев. Разрушая наивный реализм в теории познания, он ведет нас к признанию духовной природы человека и мира и к восстановлению прав человеческого разума. Таким образом, гносеологически преодолевается один из основных источников пессимизма — агностицизм, подчеркивает мыслитель. Агностицизм — это болезнь XIX века, которую позитивисты пытались возвести в философский принцип.

По убеждению Н. Бердяева, из трагедии познания есть только один достойный человека выход — возвращение к той пламенной вере в человеческий разум, которая жила у величайших мыслителей человечества — Платона и Аристотеля, Спинозы и Лейбница, Фихте и Гегеля, вере, в которой был силен и кенигсбергский мудрец. У Канта никогда не угасала вера в человеческий разум как носителя высших идей, он написал критику разума, и его критика была прежде всего памятником, воздвигнутым нравственно-разумной природе человека. Восстановленный в своих правах человеческий разум должен создать новую метафизику, которая будет лишь дальнейшим шагом в постепенном раскрытии единой вечной метафизики, основанной Платоном [2: т. 2, с. 208].

В этой связи Н.А. Бердяев в духе славянофилов, считает важнейшей задачей русского сознания создание синтетической философии. По его мнению, А.С. Хомяков положил начало традиции построения такой философии цельного духа, которую затем плодотворно развил Вл. Соловьев. При этом Н.А. Бердяев апеллирует к религиозному опыту православия.

К христианству же в целом философ относится весьма критически. Христианство, понятое как религия личного спасения от вечной гибели через смирение, утверждает в человеке сознание бессилия и беспомощности. Человек, живя под страшным давлением угрозы вечной гибели, соглашался на все, лишь бы избежать ее. В результате была создана авторитарная система искупления и послушания. В таких условиях затруднено или даже невозможно творческое отношение к жизни, утверждает Н.А. Бердяев. Творческие ценности не нужны для спасения от гибели, может быть, даже вредны. По мнению Н. Бердяева, христианство должно быть прежде всего религией преображения мира, обожения твари, религией

космической и социальной, религией любви к Богу и человеку, обетования Царства Божьего. «Человек оправдывает себя перед Творцом, не только искуплением, но и творчеством. В тайне творчества открывается бесконечная природа самого человека и осуществляется его высшее назначение» [2: т. 1, с. 122]. Именно потому, что христианские мистики ставили любовь к Богу и слияние с ним выше личного спасения, хотя и им не открылась тайна творчества, они ему ближе, чем официальные Отцы Церкви, отмечает Бердяев. Он даже полагает, что если бы не революция, то был бы он не в Париже, а в Сибири, на вечном поселении «за оскорбление Святейшего Синода».

Окончание в следующем номере

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 510 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. 222 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
5. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон 1998. 400 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2002. 616 с.
7. Бердяев Н.А. О русской философии. М.: Издательство русского университета, 1991. Ч. 1. 288 с.; Ч. 2. 240 с.

Literatura

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie. M.: Kniga, 1991. 446 s.
2. Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. 542 s.; T. 2. 510 s.
3. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., Nauka, 1990. 222 s.
4. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody'. Smy'sl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 607 s.
5. Berdyaev N.A. Duxovny'j krizis intelligencii. M.: Kanon 1998. 400 s.
6. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. M.: AST, 2002. 616 s.
7. Berdyaev N.A. O russoj filosofii. M.: Izdatel'stvo russkogo universiteta, 1991. Ch. 1. 288 s.; Ch. 2. 240 s.

B.N. Bessonov

Nikolai Aleksandrovich Berdyaev: life and work. Part 1

The article is devoted to the study of the life and work of Russian philosopher N.A. Berdyaev, who considered the history of philosophy, including Russian, as the way of the Spirit, aspiring to eternity. From his point of view, the life in this world is struck by a deep tragic element. This is the reason of the philosopher's dislike of classicism, which creates the illusion of perfection in the finite reality. Perfection is achieved only in the infinite .

Keywords: anthropology; humanism; dialectics; existentialism; life; creation; philosophy; freedom.